

Экран и сцена -
2001 - июнь (19-20) -
С 14-15

Александр МИХАЙЛОВ: «Театр не может жить ТОЛЬКО сегодняшним днем»

Орловский театр для детей и молодежи «Свободное пространство» востребован и любим в своем городе. Его спектакли постоянно участвуют в российских фестивалях, неоднократно выезжали за рубеж. Художественный руководитель Александр Михайлов возглавляет театр уже более десяти лет. Он закончил факультет физико-математических и естественных наук Университета Дружбы Народов имени П.Лумумбы, а затем режиссерский факультет Харьковского института искусств. Стажировался в Театре имени Вл. Маяковского. На его счету больше 50 спектаклей. Среди них – «Адам и Ева» М. Булгакова, «Кандид» по Вольтеру, «Ромео и Джульетта», «Вестсайдская история», «Белый клык» по Д. Лондону, «Песня о Бумбараше», «Стойкий оловянный солдатик» и другие.

– Вы добровольно взвалили на себя груз художественного руководства. Как вам удается совмещать творческие и организационные обязанности?

– Это очень непросто, особенно если учесть, что я еще веду актерский курс, который забирает много времени. Но я не вижу другой возможности, пусть даже иллюзорной, сохранить театр как творческую организацию. Мне постоянно приходится идти на какие-то компромиссы, но так или иначе все решения принимаю я сам. А если бы меня на них еще толкала театральная контора, то работать было бы просто невозможно. Конечно, жалко, что в голове постоянно крутятся вместе с образами еще и цифры, но это неизбежная расплата за право решать. На репетициях стараюсь от всего постороннего отключаться, и пока это вроде бы получается.

По-настоящему, театру не хватает хорошего современного менеджера. В маленьком провинциальном городе найти людей, которые бы всерьез, профессионально и по-умному занимались управлением театра, очень сложно. В Москве – на продюсерском факультете в РАТИ, в школе менеджеров Геннадия Дадамяна готовят специалистов, но кто из них поедет в Орел, в маленький театр, на почти нищенскую зарплату?

– В чем особенность местной Орловской ситуации?

– Я много лет работаю в Орле. Зри-

тель любит наш театр. Но регион – бедный, сельскохозяйственный, найти внебюджетные деньги для театра – сложно, а областного закона о театре нет. Какое-то время назад мы пытались пробить «положение о театре в области». Сначала в Управлении культуры нам говорили: давайте подождем, когда будет принят федеральный закон о театре. Сейчас уже понятно, что его не примут в ближайшем обозримом будущем. Долгосрочной культурной программы, которая бы учитывала сохранение и развитие театра, давала бы перспективу и уверенность в завтрашнем дне – как не было, так и нет, а в областном бюджете на культуру приходится около двух процентов. Может быть, это особенность нашего региона. Но ощущение, что люди должны жить только сегодняшним днем, становится постоянным. А в психологическом плане такое положение бесперспективно, создает депрессивную ситуацию. Я стараюсь не заикливаться на этих проблемах, больше думать о творческих делах. Тем более, что бывают и приятные моменты. Так с 1 марта оклады артистам решением губернатора повышены в полтора раза.

– У вас одна из самых молодых трупп в России.

– Это действительно здорово, когда в театре работает много молодежи, притом, что многие из наших опытных артистов по энергии и творческому задору могут молодым дать фору. Хорошо, когда существует здоровая творческая конкуренция, молодым есть у кого учиться. Только бы не пришло к ним самоуспокоение, которое неизбежно развивается в циничное отношение к профессии. Но здесь, по-видимому, очень много зависит от нас, педагогов, ведь все молодые артисты – выпускники нашего курса. Это был первый набор на актерскую специальность в институте искусств и культуры, специально для

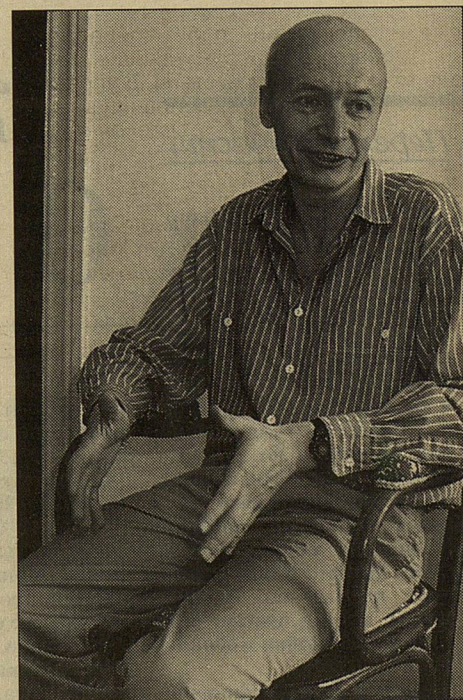
нашего театра. И, слава богу, на курсе было немало интересных, даже ярких индивидуальностей. Сейчас большая часть выпускников курса работает в нашем театре и, конечно, мне очень хочется, чтобы они задержались в театре надолго. Но как сложится жизнь – неизвестно. В соседнем театре после первого же сезона большинство бывших выпускников уволились и уехали в Москву. Зарабатывают кто чем, зато в столице. Чтобы не останавливать процесс подготовки и не попадать в зависимость от артистов, мы сразу же после выпуска сделали новый набор. Он вроде бы тоже неплохой, есть надежда, что удастся их вырастить. Новые студенты в чем-то более хваткие, что-то им легче дается, чем поколению предыдущему. Надеюсь, кого-то из них уже в следующем сезоне можно будет вводить в массовку в наши музыкальные спектакли. А вот с театральными техническими специальностями сейчас очень сложно. Вероятно выходом из положения был бы театрально-декорационный курс в художественном училище, который набирался бы раз в 5 лет, чтобы появлялись художники, бутафоры, завпосты.

– Проблема упирается в оплату труда, ведь работники цехов получают смехотворные деньги.

– Все более-менее толковые люди разбегаются, потому что на стороне могут заработать в 5-6 раз больше. А найти нелыющегося машиниста сцены в Орле задача почти невыполнимая.

– Актеров тоже не назовешь высокооплачиваемой группой населения.

– До 1 марта их у нас можно смело было назвать почти нищими, притом, что в нашем театре артисты получают больше, чем в академическом. Ну, а сейчас они просто очень бедные. Когда получили новые цены на путевки в дома отдыха СТД, то горько смеялись – на море по этим путевкам артисты не поедут нико-

гда. У подавляющего большинства зарплата ниже прожиточного минимума. Те, кто имел неосторожность завести семью, родить ребенка, часто оказываются перед дилеммой: переменить специальность или уехать в Москву в поисках заработков.

– Квартиры вашему театру давно давали?

– Очень давно. Квартир нет. Почти все молодые актеры снимают жилье. Театр им немножко доплачивает, но цены на жилье постоянно растут, и это очень серьезная проблема. Снимать квартиру можно год-два, а потом людям хочется какой-то определенности, хотя бы надежды, что в будущем у них будет свое жилье. А когда наши ведущие артисты Маргарита Рыжикова и Валерий Лагоша, проработавшие больше десяти лет, живут в чудовищных условиях, в двухкомнатной коммуналке, где, кроме них, живет семья из 4-х человек, то это не самый привлекательный пример для молодежи. Самое печальное, что ситуация не меняется много лет. Раньше власти хотя бы говорили о необходимости постройки дома для творческой интеллигенции, теперь молчат. Жилищное строительство у нас в Орле ведется такими темпами, что в ближайшее время вряд ли что-то изменится.

– Удастся ли вам зарабатывать?

– А на что же мы делаем спектакли? Каждый год выходит 6-7 новых назва-

ний. Но сегодня выбор таков: либо мы делаем спектакли, либо прибавляем зарплату артистам и сотрудникам. Люди ведь живут на грани нищеты. В управлении культуры говорят: доплачивайте из заработанных денег. А спектакли на что делать?

— Когда вам последний раз давали деньги на постановку?

— В полном объеме постановки не финансируются уже много лет. Подбрасывают иногда, по крохам. На спектакль "Последние" мы просили тысяч 30-40, все-таки классика, нужно шить приличные костюмы. Нам дали 15 тысяч! И это не вина управления культуры, это его беда, что на творческие нужды театра катастрофически не хватает средств. Постоянно обращаемся на заводы, фирмы, чтобы помогли материалами для спектаклей. Нередко откликаются, но твердой уверенности здесь никогда нет. На ремонт государственные деньги выделяют легче. За последние два года театр отремонтировали и снаружи и внутри, полностью поменяли кресла в зале, это большие затраты.

— А как обстоит дело со световой, звуковой аппаратурой?

— Все давно устарело, для нашей концертной программы мы просим аппаратуру на один-два дня и в драматическом театре, и на радио. Для наших музыкальных спектаклей нам совершенно недостает технических возможностей, мы выплываем только за счет талантливых людей. А молодежи сегодня есть с чем сравнивать, приличная дискотека упакована на порядок лучше, чем театр для детей и молодежи. Сейчас мы включились в федеральную программу финансирования, заявки сделаны до 2005 года. Но, конечно, необходимо, чтобы помогло было и на местах.

— Ваш театр постоянно участвует во всероссийских фестивалях, помню, какой сенсацией стали на Пушкинском фестивале во Пскове "Маленькие трагедии", поставленные Геннадием Трякунским. Спектакль играли и в Москве, и в Питере.

— Это и была, по сути, последняя постановка приглашенного режиссера.

После финансового кризиса в 1998-м театр попал в очень сложное положение. У нас образовались долги, с которыми мы долго не могли рассчитаться. Два года никого на постановки не приглашали, и в течение одного сезона я сумел поставить пять (!) спектаклей. Это же работа на износ. Надоедаешь сам себе, не только артистам.

— В вашем штате нет очередного режиссера?

— С этого сезона есть. Игорь Черкашин заочно закончил Щукинское училище в

прошлом году. Человек он способный, артист очень хороший. Еще студентом он поставил спектакль по пьесе Алексея Слаповского "Многоликое лицо", он был отмечен на фестивале моноспектаклей. Его дипломный спектакль "Я встретил вас и все..." Р.Белецкого идет с успехом. Кажется, Стурга когда-то сказал, что режиссура не любит молодых. Опыт в нашем деле, действительно, вещь бесценная. Режиссер ведь по-настоящему проявляется не на первом спектакле, а года так через три-четыре. Шишки набивают все, и надо, чтобы молодой режиссер ставил то, что он хочет и может сегодня поставить, то, что ему по силам.

— Какова репертуарная политика "Свободного пространства"?

— Мы и до театрального бума, наблюдающегося по всей стране, имели устойчивый зрительский интерес. Я стараюсь строить репертуар по западной модели, обязательно включаю в репертуар музыкальный хит. У нас в городе нет музыкального театра, и мы заполняем эту нишу. Для драматических артистов у нас многие очень неплохо поют и двигаются. И молодежь мы воспитывали так, чтобы они могли работать в мюзиклах. Хитами становились "Бумбараш", "В ожидании чуда", "Вестсайдская история", в прошлом сезоне — "Фиалка Монмартра", ее поставил Игорь Власов и она очень нравилась публике. А рядом с ними — серьезные авторы: Мольер, Островский, Пушкин, Шекспир, Зингер, Горький.

— Недавно "ЭС" публиковала рецензию на "Последних". Как возникла идея поставить именно эту пьесу?

— Я люблю ее и мы взяли "Последних" в работу со студентами, но до дипломного спектакля не довели. В основном из-за возрастных ролей — студентам трудно было их потянуть, хотя некоторые роли удались. Мне было жалко оставлять эту работу, тем более, что пьеса очень хорошо расходилась в нашем театре. Пьеса мне близка и по теме, и по темпераменту. Мне показалось, что излишнюю публицистичность я сумею смирить. Из-за безденежья решил делать спектакль на малой сцене. Сразу возникла определенная форма, связанная с судебным заседанием, форма вроде бы простая. Но она дала ясность, аскетизм и одновременно театральность. Был ушел, а трагический смысл проявился. Артисты вышли на гораздо более подробный способ проживания, открыли новые выразительные средства.

— А как зрители принимают этот спектакль?

— Замечательно принимают, слезами обливаются. Особенно среднее и старшее поколение. Некоторые говорят даже, что слишком сильное потрясение он

вызывает. Что ж, пусть поплачут. Мы ведь почти все наделали множество ошибок в жизни, а помнить про них часто не хотим, надеемся, что спишется, забудется. Но нет, если не мы сами, то дети расплачиваются во сто крат тяжелее.

— Вы недавно вернулись из Америки, где преподавали в Университете. Отличаются ли американские студенты от наших, и если отличаются, то чем?

— Я участвовал в программе Фулбрайта, пользующейся государственной поддержкой. Эта программа осуществляет связи со специалистами из многих стран мира. В Калифорнийском Государственном Университете Монтерей-Бей, где я работал, нет узкой специализации. Там готовят профессионалов широкого профиля для театра, кино и телевидения. Студенты очень свободны, с удовольствием идут на самые рискованные пробы. У них огромный энтузиазм, готовность радостно и много работать. Но в гуманитарном, интеллектуальном плане они отстают, европейская культура для них — пустой звук. Знания очень поверхностные, зато навыков технических очень много, в особенности всего, что касается компьютерных технологий.

— Это владение компьютерными технологиями не мешает игре воображения, развитию фантазии?

— Театральная фантазия не развита, она очень вялая. Может, еще и потому, что принято считать, что режиссер все расскажет и объяснит. Поэтому этюдный, импровизационный метод, который я использовал, был в новинку. Я поставил со студентами "На всякого мудреца довольно простоты". Пьеса оказалась им очень близка и понятна. На репетициях они умирали от смеха. Мы ее играли в современных костюмах, Гордулин ходил с мобильником и вел свою избирательную кампанию. В это время шла предвыборная гонка, борьба Буша и Гора, и сюжет Островского выглядел актуально. Зал хохотал. Очень удачный получился Глумов, очень разный, с сильным лирическим началом. Театральный зал в Университете огромный, я посадил зрителей на сцене. Действие происходило на полу и на антресолях, где располагалось высшее общество. "Мудрец" очень понравился ректору. В университете есть традиция — каждую неделю ректор пишет послания студентам и сотрудникам, своеобразный отчет о том, что он сделал за неделю, где был, что видел. Вот в одном из таких посланий он сообщил, что был на спектакле и всем советует его посмотреть.

— А как складывались ваши отношения с коллегами, с другими преподавателями?

— Прекрасно складывались. Они приглашали меня на свои лекции, я рассказывал о русском театре, кино, об Эйзенштейне. Приятно было ощущение востребованности.

— Проблем с языком не было?

— Первые две недели. Дальше легче пошло.

— Вернемся в родные Пенаты. Представим себе, что у вас нет никаких финансовых проблем. Что бы вы сделали в этом случае?

— В первую очередь, по-настоящему, зрелищные спектакли для детей и подростков, с чудесами, фокусами, превращениями. Из-за нашей бедности мы отучили и себя и зрителей от театральных чудес. Конечно, тратил бы деньги на приглашения интересных режиссеров. Артистам надо платить столько, чтобы они не чувствовали себя униженными. Но им все время необходима интересная работа. И кроме больших спектаклей, обязательно должен вестись лабораторный поиск. Ну, а если еще остаются средства, то открыл бы филиал театра в Испании, там очень хорошо принимают наши спектакли.

— Модель какого театра вам ближе всего?

— Мне очень понравился американский театр, называющийся Орегонский шекспировский фестиваль, хотя на самом деле, это театр. В нем 80 артистов, три сцены. 80 процентов средств своего бюджета театр зарабатывает на билетах. В год они играют 8-9 постановок, спектакли идут один сезон. Город совсем маленький, но туда едут зрители из многих городов, других штатов. В Орегоне нашлись люди, поддерживающие театр, существующий на очень высоком профессиональном уровне.

— Какие новые названия появятся в афише театра "Свободное пространство"?

— Я ставлю "Много шума из ничего" Шекспира. Игорь Черкашин — "Эти свободные бабочки". Потом будем работать над двумя детскими спектаклями. Один из них — по пьесе В.Ольшанского, другой — "Снежная королева" Шварца. Аркадий Поляк, наш артист и режиссер, собирается ставить на малой сцене "Осеннюю сонату" Бергмана.

Беседовала
Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ